
Анна Безфамильная
Швы наружу

Анна Безфамильная

Швы наружу

«Автор»
2026

Безфамильная А.

Швы наружу / А. Безфамильная — «Автор», 2026

Нина Корнеева приезжает в родной театр на двенадцать смен. Нужно подогнать готовые костюмы к премьере, получить расчёт и уехать на новую работу. На первой же примерке у актёра отрывается рукав. Потом выясняется, что мерки устарели, половина переделок никуда не записана, а после спектакля швейный цех собираются закрыть.Павел Ланской отвечает за постановку и считает деньги, которых всё время не хватает. С ним можно спорить, молчать за одним столом и целоваться у реки, пропустив последний автобус. Но однажды Нина находит своё имя под расчётом, на который не соглашалась.Ответить на предложение из другого города нужно ещё до премьеры. Нине предстоит закончить работу, за которую она взялась, и решить, что делать с человеком, к которому хочется вернуться.Законченная история о театре, работе и любви взрослых людей. 16+.

© Безфамильная А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Рукав 5
2. Восемь часов 8
3. До вторника 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Анна Безфамильная
Швы наружу

1. Рукав

Рукав остался у Нины в пальцах.

Рудин посмотрел на обнажившееся плечо, потом на неё.

— Если это новое прочтение, я против.

За дверью кто-то крикнул, что актёра ждут на сцене. Нина придержала полочку пиджака, чтобы он не начал вылезать из вещи окончательно.

— Стойте. Вы правую руку когда-нибудь поднимаете?

— Уже сорок восемь лет.

— В спектакле.

Рудин показал: прижал ладонь к груди, резко вынес вперёд, будто отталкивал человека. Подкладка натянулась под мышкой. На стол посыпались короткие нитки.

— Вот здесь сын должен уйти из дома, — объяснил он. — Я его останавливаю.

Нина нашла глазами летнюю мерочную карточку. На обороте было написано: «Отец — Максим». Никаких поправок. Максим, которого она помнила, был узкоплечим мальчиком с волосами до подбородка.

— А Максим где?

— Уже два месяца в другом театре.

Нина отпустила оторванный рукав на стол. Он лёг поперёк накладной внешней мастерской — ровный, хорошо отутюженный, с застёгнутой пуговицей.

Она приехала в восемь пятнадцать. В девять хотела составить список переделок, к обеду разобрать первую партию и понять, какой из двух субботних поездов ей подходит. Часы над дверью показывали девять десять. Рудин всё ещё стоял в одном рукаве.

В цех вошёл мужчина с бумажной чашкой. Он задержался на пороге, окинул взглядом актёра, деталь на столе и торчащую у Нины из воротника сантиметровую ленту.

— Это можно быстро исправить?

Она повернулась к нему.

— Можно быстро отнести на сцену. Исправить быстро — другой вопрос.

— Павел Ланской. Я звонил вам в пятницу.

По телефону у него был голос человека, который разговаривает, одновременно пытаясь открыть тяжёлую дверь. Вживую он оказался выше, чем ей представлялось, с небритым подбородком и мокрым пятном на левом рукаве. Чашку он держал осторожно, за самый край.

— Нина Корнеева. Я согласилась приехать на переделки. Тут надо начинать с мерок.

— Все карточки передали в мастерскую.

— Вот эту тоже?

Он взял листок. Нина дождалась, пока он прочитает оборот.

— Состав поменяли в сентябре, — сказал Павел.

— А плечи остались июльские.

Рудин хмыкнул и, поймав её взгляд, поднял руки на удобную высоту. Нина приколола рукав булавками. Пиджак пришлось оставить расстёгнутым.

— В нём сейчас можно только постоять. Без вашего сына и без выразительных жестов. После репетиции зайдите, снимем всё заново.

— Я передам Громову, что отец пока никого не удерживает.

Когда актёр вышел, Павел поставил чашку на подоконник.

— Я хотел принести вам кофе. Пролил по дороге, осталась половина.

— Спасибо. Я допью, когда узнаю, кто из остальных тоже сменился.

Павел достал телефон, открыл список и сел за дальний край раскройного стола, поджав колени. Стол был ей знаком: у правой ножки шаталась опора, на середине остался след от утюга. Три года назад Нина закрывала его старой простынёй, когда уезжала из Речинска. Теперь здесь стояла новая машина, а чехол от неё лежал на её прежнем стуле.

— Двое, — сказал Павел. — Рудин и Майя вместо Снежаны. У Майи другая роль, её вещи ещё не приехали.

— Тогда с Майей проверим всё заново. Пока вещи не приехали, мы даже не знаем, по чьим меркам они сшиты.

Он посмотрел на неё поверх телефона.

— Я начинаю понимать, почему вас советовали.

— Не радуйтесь раньше времени.

У Нины завибрировал мобильный. На экране высветилось: «Оксана. Ярославль». Она убрала телефон в карман, не ответив.

По правде, ей хотелось развернуться. В пятницу всё звучало просто: двенадцать смен, премьера четырнадцатого, сорок тысяч, дорогу оплачивают отдельно. Пожить можно у матери. Потом — дальше. Она взяла эту работу потому, что знала здешние шкафы, актёров и складской каталог. Ей не надо было тратить неделю на знакомство с чужим хозяйством.

Знакомиться пришлось с тем, что осталось от её хозяйства.

На нижней полке вместо коробок с пряжками стояли две кофейные банки. В ящике, подписанном её рукой «Кнопки», лежали кабели. Манекен с оббитым основанием исчез. На его месте висел огромный мешок с надписью «Спорное».

Из-за высокого шкафа вышла девушка в чёрной футболке. На запястье у неё был наколот круглый кусочек фетра с иголками.

— Я не знала, что вы уже здесь. Мила.

Нина заметила у неё на столе маленькую разобранную манжету для студийного спектакля и рядом — кружку, в которой распустилась плесень.

— Это ваша?

Мила проследила за её взглядом.

— Кружка? Нет. Я всё собиралась выкинуть, но вдруг кто-то вернётся.

Павел взял её двумя пальцами за ручку.

— За кружкой уже никто не вернётся. Я узнавал.

Он унёс её к раковине. Мила улыбнулась, потом быстро спрятала улыбку.

Нина сняла пальто и повесила на гвоздь под окном. Гвоздь сохранился. Надо было радоваться хотя бы этому.

— Давайте по порядку, — сказала она. — Сначала все, кто выходит в первом акте. Нужен список без старых фамилий. И расписание, когда людей можно забирать со сцены.

— Через двадцать минут принесу, — ответил Павел.

— Лучше через двадцать, чем сразу неправильное.

Он задержал на ней взгляд, кивнул и вышел. Дверь закрывал аккуратно, приподняв ручку, чтобы язычок не ударял по косяку. При прежнем заведующем этой дверью хлопали так, что с полки сыпалась пыль.

Нина взяла оторванный рукав. Ткань была хорошая, мягкая, дорогая на ощупь. Изнутри по линии соединения шёл ровный шов. Мастерская сделала то, что ей заказали. На первой же странице заказа театр попросил не то.

— Они всё испортили? — тихо спросила Мила.

— Пока рано на кого-то злиться. Помоги мне найти июльские фотографии.

— На общем диске?

— Если там есть. И мусорный пакет найди, пожалуйста.

— Кружка всё-таки не одна?

Нина посмотрела на кофейные банки, на манжету, на мешок со спорным.

— Кажется, сегодня у нас будет много находок.

К десяти цех наполнился людьми. Актёры приносили с собой холод из коридора, запах грима и недовольство тем, что надо снова раздеваться. Нина подтыкала под булавки маленькие бумажки, писала фамилии, просила повернуться, присесть, потянуться. Мила записывала рядом. Они быстро перестали переспрашивать друг друга.

В обед Павел принёс распечатанный состав. Вверху стояла сегодняшняя дата.

— Это окончательно? — спросила Нина.

— На сегодня — да. Дальше буду предупреждать лично.

Она взяла карандаш, зачеркнула «Максим» и написала «Рудин».

— Тогда начинаем.

2. Восемь часов

Во вторник Павел положил на раскройный стол конверт с договором и тонкую папку. Нина освободила для них место, сдвинув рукав.

— Сначала хорошее, — сказал он. — Дорогу вам проведут вместе с первой выплатой. Двенадцать смен, как договорились.

— А плохое в папке?

Он не улыбнулся.

— После премьеры цех в прежнем виде закрывается. Вещи остаются здесь, но новые костюмы будем заказывать снаружи. Текущие переделки — отдельно, по необходимости.

Из соседней комнаты донёсся лязг ножниц. Мила сидела там, подшивала брюки. Ни один из троих не мог сделать вид, что она не слышит.

Нина не стала открывать договор.

— Вы меня наняли на двенадцать смен или рассказать всем, что без цеха удобнее?

— На двенадцать смен. Вы сами спросили в пятницу, есть ли перспектива остаться. Я ответил: сейчас не могу обещать.

Она помнила. Просто слова «не могу обещать» позволяли вообразить несколько вариантов. Он назвал один, самый неприятный.

— Почему сразу не сказали, что решение принято?

— Потому что его приняли вчера вечером.

Павел сел напротив. У него под глазами лежали тёмные полосы. Нина машинально отметила, что на правом плече рубашки расходится строчка. Потом рассердилась на себя за то, что отметила.

В папке были суммы. Театр занимал два этажа бывшего клуба и жил с продажи билетов, аренды зала и занятий студии. Осенью пришлось вернуть деньги за несколько отменённых показов. По одному из займов подходил платёж. Это не была тайная бухгалтерия, которую Павел доверительно открыл только ей: внизу стояло время общего собрания.

— Светлана Аркадьевна собирается всем это показать, — сказал он. — Сегодня в четыре.

Нина перевернула лист.

На костюмы к «Сухому сезону» отводилось сто девяносто две тысячи. Девяносто шесть — мастерской Киры Савиной за базовые вещи. Сорок — ей. Пятьдесят шесть оставались на ткань для двух новых пальто: режиссёр хотел, чтобы в последней сцене мать и сын уходили из одного дома в одинаковом сером.

— Эти пальто Савина не шьёт?

— Они вошли в решение позже. Их предполагалось сделать здесь.

— Кто должен был делать?

Павел посмотрел на строку с её фамилией.

Нина придвинула папку ближе. В её рабочем письме значилось: «Подгонка готовой партии, восстановление складских вещей, участие в примерках». Новые два пальто не были записаны нигде.

— Вы видели, что мне отправили?

— Да. Я понял «восстановление» шире.

— Новая вещь из новой ткани не восстанавливается.

В соседней комнате перестали лязгать ножницы.

Павел открыл ноутбук. Нина следила за его руками: длинные пальцы, содранная костяшка, на ногте большого пальца присохла белая краска. Он стирал слова из таблицы медленно, без раздражённого стука по клавишам.

— Хорошо. Это моя ошибка. Сейчас не вписываю пальто в ваш объём. Нужно понять, что вообще успеваем.

Она откинулась на спинку стула. Ей хотелось услышать именно это, но после короткого облегчения стало ещё труднее: теперь он мог по-настоящему спросить, сколько времени нужно, а она пока не знала.

В полдень они с Милой разложили всю пришедшую партию. Девушка доставала вещи из мешков, а Нина наносила на лист пометки. К половине второго по полу было не пройти. Мила не пошла за едой, хотя Нина дважды предлагала остановиться.

— Ты сегодня до скольких?

— Пока не закончим.

— По договору.

— У меня занятия в студии до вечера, а потом здесь могу посидеть.

— Ты преподаёшь?

Мила положила на стол катушку.

— Я веду костюмы студии. На полставки. А на «Сухом сезоне» просто помогаю. Это же опыт.

Последнюю фразу она произнесла чужим, знакомым Нине голосом. Таким говорили с молодыми помощницами, когда в кассе не было денег. Когда деньги были, тоже нередко говорили.

— Сколько тебе обещали за эту помощь?

— Пока ничего. Если премьера хорошо пройдёт, подумают.

Нина сняла очки.

— Сегодня я работаю до шести. Ты можешь уйти, когда у тебя заканчивается оплаченная смена. Если из-за этого мы не успеваем, значит, у нас не хватает рук. У тебя от этого не становится меньше опыта.

— А вы сами уйдёте в шесть?

Нина хотела ответить сразу. Вместо этого посмотрела на разбросанные по полу мешки.

— Постараюсь, — сказала она и услышала, как это прозвучало.

На собрание пришли почти все. Рудин сидел в первом ряду в спортивной куртке; без пиджака он казался моложе и гораздо сердитее. Директор говорила без микрофона. Зал у них был небольшой, её слышали даже у дверей.

Светлана Аркадьевна перечислила платежи. Не говорила, что театр — семья. Сказала, что ещё месяц такой кассы и придётся отменять не отдельные показы, а весь январь.

— Цех мы теряем, — произнесла женщина из администраторов.

— В нынешнем виде — да. Два постоянных места я больше не могу держать.

Нина заметила, как Павел сцепил руки между коленями.

— А кто будет чинить? — спросил Рудин.

— Будем заключать отдельные договоры.

— По ночам, видимо. Днём эти люди будут работать в других местах.

Директор не ответила сразу. Она стянула с запястья резинку, собрала волосы, потом отпустила обратно.

— Возможно. Я не придумала хорошего решения. Есть плохое, которое позволяет заплатить за этот месяц. Если у кого-то есть другое с теми же деньгами, я выслушаю.

После собрания Нина вернулась за пальто. В цехе горела настольная лампа. Мила сидела с той же манжетой.

— Ты же собиралась уходить.

— Я уже заканчиваю.

Нина подошла. С одной стороны манжета была подшита дважды: в первый раз девушка взяла нитку другого оттенка, потом аккуратно распорола. Возле машины лежали следы её терпения — короткие обрывки и вынутая игла.

Нина села за соседний стол и достала телефон. Оксана снова написала: «Завтра сможем созвониться? Мне нужен ответ до вторника».

Мила подняла глаза.

— Это вам работа?

— Да.

— Хорошая?

Нина посмотрела на экран.

— Похоже на то.

Она погасила верхний свет. Лампа у Милы осталась гореть.

— У нас до шести ещё двенадцать минут. Покажи, где ты здесь запуталась.

3. До вторника

Оксана звонила из помещения с длинным гулким эхом. За её спиной кто-то просил передать стремянку. Нина прижала телефон плечом и переложила сантиметр на другую сторону стола.

— Условия я тебе отправила, — сказала Оксана. — Шесть месяцев, с двадцать третьего ноября. Двадцать третьего приезжаешь, устраиваешься, оформляем бумаги. На следующий день — в цех. Мастер костюма. Оплата ежемесячно, не после закрытия проекта. Комната на первые два месяца есть, дальше разберёшься. Я понимаю, что надо подумать, но десятого к вечеру мне нужен окончательный ответ. Если нет — я ищу другого человека.

Нина открыла письмо. Прочитала сумму ещё раз.

— Делаю мерки, готовлю примерки, веду партию?

— Да. И имеешь право сказать мне, что партия за два дня не делается. Именно поэтому я тебе звоню.

— Оксан, все сначала так говорят.

— Знаю. Поэтому у тебя в письме есть часы и объём. Прочитай до конца.

За окном стоял мокрый ноябрь. Напротив, в доме через узкий двор, женщина вытряхивала маленький коврик. Соринки летели вниз и сразу прилипали к подоконнику первого этажа. Из открытого окна пахло жареным луком.

Нина выросла в этом городе. Она могла с закрытыми глазами дойти от театра до остановки, знала, в каком магазине бывает хороший хлеб после пяти, и что дворник в переулке кормит двух серых котов. Когда-то это казалось достаточной причиной остаться. Потом три года она ездила с антрепризами, шила в съёмных помещениях, ела над раковиной, чтобы не испачкать ткань. Ей понравилось узнавать новые города. Не понравилось каждый раз начинать с разговора о том, когда заплатят.

Ярославль означал хотя бы полгода в одной комнате.

— Я отвечу до десятого, — сказала она.

Павел вошёл, когда Нина закрывала ноутбук.

— Я помешал?

— Уже нет. Мне предложили работу в Ярославле. С двадцать третьего. На полгода.

Он остановился у двери.

— Вы согласились?

— Пока думаю. Но рассчитывать, что я останусь здесь после премьеры, не надо.

— Мы и не рассчитывали.

Он произнёс это слишком быстро. Нина потянулась за ножницами, хотя на столе не было ничего, что требовалось отрезать.

— Хорошо.

Павел поставил на край стола бутылку воды.

— Я не это хотел сказать. Вы приехали на двенадцать смен. Я помню.

— Я тоже хочу помнить.

Он посмотрел на два мешка с костюмами.

— Савина сможет приехать завтра. Я написал ей по меркам.

— Пригласи её к одиннадцати. Нам надо вместе посмотреть на Рудина и Майю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.